

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МАДЫ МАЙРАМ

Туаллагов Алан Ахсарович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом археологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

Статья посвящена изучению вопросов сложения образа осетинской богини Мады Майрам, занимающего особое положение в осетинском пантеоне как единственный женский образ. Актуальность рассматриваемой проблемы в контексте отмеченного положения заключается в отсутствии привлечения и анализа материальных памятников средневекового периода. Научная новизна работы определяется соответствующим привлечением изобразительных памятников аланской археологии. Целью работы является фиксация семантики композиций изобразительных памятников, их антропоморфных персонажей в корреляции с данными фольклорно-этнографических исследований и в контексте алано-осетинской культурно-исторической преемственности. В ходе исследования применялись методы визуального анализа изобразительных памятников, первичного опознавания составляющих образы признаков. Проведенное исследование на основании привлеченных и проанализированных материалов позволяет полагать вероятным, что в ходе сложения образа богини наблюдались различные хронологически и по своему содержанию этапы его формирования в процессе взаимодействия традиционных представлений алан с христианским источником. Первый этап, представленный в образцах амулетов, относится к периоду до официального принятия северокавказской Аланией христианства и полагает процесс адаптации христианского женского образа к представлениям местного населения о своей Великой богине в одной из ее ипостасей. Христианская иконография способствовала антропоморфному воплощению ее образа. Второй (христианский) этап мог заключаться в процессе христианского воздействия на уже сложившийся антропоморфный образ местной богини. Но данное воздействие на ее образ не привело ни к кардинальному его изменению, ни к его замене на сам образ Богоматери, что свойственно и образу осетинской Мады Майрам. Потенциал такого положения привел в некоторых случаях к сохранению образа богини в пантеоне даже в условиях патриархального склада традиционного осетинского общества.

Ключевые слова: божественные образы, христианство, археологические источники, аланы, осетины.

Для цитирования: Туаллагов А. А. К истории формирования образа Мады Майрам // KAVKAZ-FORUM. 2026. Вып. 25 (32). С. 128-139. DOI: 10.46698/VNC.2026.32.25.005

Введение

Несмотря на то, что осетинская этнография зафиксировала отдельные образы богинь, только образ Мады Майрам (Мад Майрæм (Мады Майрæм) / Мадæ Майрæн (Мади Майрæн)) оказался полноценно представлен в этнографическом наследии и в некоторых случаях прямо включен в пантеон [1, 151–153; 2, 340–341], придавая ему исключительное значение в условиях патриархального склада традиционного осетинского общества. Подобно мужским богам данная богиня имеет и свои святилища. Исследователи обоснованно отмечают, что имя богини являет пример ономастической христианизации – Мать Мария [3, 93–94], т. е. Богоматери. Вместе с тем анализ характеристик образа позволил объективно полагать, что Мады Майрам стала преемницей, заняла в христианский период место аланской дохристианской богини очага и, возможно, плодородия [3, 93–94; 4, 109]. В развитие данных наблюдений, на основании изучения особых обрядов, связанных с культом Мады Майрам, культ богини сближали не только «с культом плодородия, но и с аграрной религией» [5, 403–405, 454].

Несомненно, образ Мады Майрам ощутил определенное влияние со стороны христианской традиции. Однако, учитывая различные этапы взаимодействия традиционной религии с христианством, соответствующий вопрос остается открытым. Возможные подходы к его решению, как представляется, могут предоставить и некоторые археологические материалы.

Основная часть

Исследователи отмечали, что в осетинских обряде и песне, сопровождающих невесту во время свадьбы, представлено зеркало, что имело параллели и у других кавказских народов, которое могло принадлежать самой Мады Майрам [1, 304–310]. Сегодня обнаружена и запись 1912 г. собирателя осетинского фольклора Д. Темираева, в которой зеркало находится непосредственно в руках богини [6, 131]. Данная запись надежно подтвердила приведенное наблюдение.

Связь образа богини с зеркалом не предоставляет нам соответствующих образцов в аланских памятниках. Но в данном случае следует обратить внимание, например, на проявление христианского влияния на оформление традиционных зеркал. Справедливо не сбрасывая со счетов положение о связи креста с одним из древнейших символов огня, полагают [7, 38–41], что появление изображений части типов крестиков на зеркалах в аланских катакомбных погребениях Северного Кавказа XI–XII вв. отражало процесс распространения христианства в регионе.

Ярким подтверждением включения христианской составляющей в оформление аланских зеркал служит находка в мужском погребении ка-

такомбы № 71 Змейского могильника с грубым схематичным изображением, видимо, мужчины и женщины, несущих крест, что сопоставляется с изображением пары равноапостольных святых того периода – Константина I и Елены [8, 297; 9, 146, рис. 142, 11, 246, рис. 242, 24]. Заметим, что подобные сюжеты были также представлены в различных изображениях (печати, монеты и т. д.) соправителей или царствующих супружеских пар.

Змейская находка предоставляет в наше распоряжение аланский образец, включающий антропоморфные изображения. Однако непосредственно интересующий нас женский образ, исходя из современных данных, не представлен на самих зеркалах, выполнявших, в том числе, функции амулетов. Но данная функция может определить дальнейшее направление поиска.

При таком подходе показателен пример с находкой солярного амулета-подвески (рис. 1) в катакомбе № 56 могильника Верхний Чир-Юрт I (Дагестан) VII–VIII вв. или VIII в., украшенного по кругу орнаментом, использующим растительный мотив. Аналогичный амулет-подвеска, по прежним наблюдениям специалистов, происходит из неопубликованных в свое время раскопок А.П. Рунича в районе г. Кисловодска (Ставрополье). Его прототипом считают нательные крестики на боковых петлях из византийского Египта VII в. В основе же трактовки формы амулета-подвески признают широко распространенный тип заключенного в круг креста с хризмой, но явно искаженной, отмечаются многочисленные в Египте того времени изображения Богоматери «с Христом во чреве», когда фигура Христа заменялась хризмой. При возможном прототипе в христианском искусстве изображения женщины с младенцем, само изображение изначально считали совершенно оригинальным, но впоследствии признали в нем образ Богоматери с Младенцем [10, 162, рис. 15; 11, 33; 12, 165; 13, 18–21], что представляется вполне объективным.

Предположение о возможности изображения головного убора и шарфа или накидки [13, 19] вместо кос не может быть ничем подтверждено. Возведение искаженного христианского символа к эпохе энеолита как выражавшего идею связи бога земли и богини неба, при признании изображения Богоматери с Младенцем [14, 119], обычно для автора, у которого зачастую широчайшие параллели игнорируют конкретику материала. В то же время можно отметить более древние образцы подобной схемы из Луристана, датируемые 1000–800/750 гг. до н. э. [15, 125, № 95].

Вполне вероятно, как полагают другие исследователи, особо отмечающие растительный мотив в изображении и солярный символ вместо искаженной хризмы, что смысловая нагрузка изображения была другой, и речь должна идти об изображении местной языческой богини – Великой

богини, покровительницы плодородия [16, 101–103; 17, 233–237]. Но здесь важен несомненный пример использования христианской иконографии в адаптации для изображения собственного божественного образа, включающий приспособление христианской символики к местным солярным символам. Показательно изображение двух кос, которое справедливо предполагается рассматривать как атрибут Девы – Богоматери [18, 144; 19, 147].

Сегодня представлен бронзовый полый внутри образец [20] из раскопок «черных археологов» в районе Нижнего Дона (рис. 2), в котором исчезает изображение младенца, заменяясь орнаментальной деталью, хризма обретает орнаментальный вид кругов и, возможно, две косы дополняются изображениями своих кистевых окончаний и т. д. Вместе с тем сохраняются петли для подвешивания, перемещаемые несколько ниже, что также может переводить их в разряд орнаментального оформления, поскольку подвешивание за них вело бы к переворачиванию амулета.

Данная находка указывает на несомненную адаптацию образа в аланской или, например, болгарской среде, подтверждением чему служит отмечавшаяся выше находка А.П. Рунича, не так давно представленная на сайте Пятигорского краеведческого музея в разделе археологических раритетов (рис. 3). Ее сопровождает следующая аннотация:

«Фигурка бронзовая. VIII – X вв. Бронза, литье. Размер: 6,7 × 3,6 × 1,4 см. ОФ. 5631. Источник и документы поступления: Акт №80 от 28.12.1978 г. Предмет обнаружен в могильнике Рим-гора 2, раскопки А.П. Рунича.

Фигурка бронзовая, литая, ромбовидной формы с крючком на тыльной стороне. Рамка решетчатая, ажурная. Лицевая сторона выполнена в виде стилизованного изображения женщины, щиток декорирован четырьмя рельефными концентрическими окружностями с отверстиями 0,4 × 0,3 см – 0,2 × 0,2 см, в центре – отверстие 0,3 × 0,2 см. Тыльная сторона решетки имеет вид четырехлепестковой фигуры. Нижняя часть заканчивается грибовидным навершием. Вероятно, носился в качестве амулета. Выставки: экспонируется на выставке «Страницы истории Пятигорья». Предмет не имеет аналогов. Находка свидетельствует о значительном влиянии на местные народы христианства и возможном восприятии данной веры местным населением, так как предмет не является импортом и изготовлен на территории Северного Кавказа» [21].

Как мы знаем, аналогии предмету существуют. Показательно, что у рим-горского образца изображение младенца передано простым валиком без орнаментации, отсутствуют петли для подвешивания, хризма также обретает орнаментальный вид, но уже в виде концентрических кругов, а на тыльную сторону переносится напоминающая ее четырехлепестко-

вая фигура, возможно, используя и для подвешивания амулета. Показательно отсутствие и у данного образца в руках женского персонажа младенца, т. е. происходила дальнейшая переработка изначального образа Богоматери с младенцем. Она, с одной стороны, подтверждает наличие прототипа именно в изображении Богоматери с младенцем, что не находит синхронной параллели в северокавказских древностях (один пример [11, 134, 343, рис. 232] остается очень гипотетичным – А.Т.), а с другой стороны – осмысление образа через собственные религиозные представления. Рим-горский образец явно ниже качеством, что может говорить о более массовом производстве таких амулетов в аланской среде.

Представленные примеры важны для нас с точки зрения установления опыта адаптации христианского женского образа к собственным представлениям местного населения. Они демонстрируют, как христианская иконография способствовала антропоморфному воплощению образа местной богини или богинь, почитавшихся у населения северокавказского региона. Предлагаемое направление исследования сегодня находит и пример иного материального воплощения, демонстрируя обратное по сравнению с приведенными находками вектор воздействия, когда традиционный местный женский образ был подвергнут внешнему воздействию со стороны христианства.

В июне 2003 г. на аукционе Кристис (Christie's) был представлен лот № 239, в состав которого входил антропоморфный начальник в форме женской фигуры с чашей в руках (рис. 4). Находка представлена как происходящая с территории Кавказа и датирована X в. н. э. [22]. Прототипом начальника, несомненно, является широко известный специалистам начальник из аланской катакомбы № 14 Змейского могильника, датируемый серединой XII в., что должно скорректировать датировку аукционного образца. В первую очередь, обращает на себя внимание замена на груди женской фигуры амулета-лунницы змейского начальника на христианский крест.

Чей образ предлагала представить христианская сторона, беря за основу явно нехристианский? Последний был девичьим, на что указывает изображение головного убора, долго сохранявшегося в женском аланском костюме [23, 106–107, 140–141, 722, рис. 31, а, б, 737, рис. 64]. С задней стороны головы фигуры сделано круглое отверстие, которое могло служить, например, для пропуска челки коня, создававшей тип кистевидного султана. Но пропущенный конский волос мог также заплетаться в ничем не покрытые косы, дополнительно указывая на изображение не женщины, а девушки. Тогда следует вспомнить, что на приведенных выше амулетах изображены именно две косы как атрибут Девы – Богоматери. При

возможном сопоставлении также отметим и такую типологически общую деталь в схеме изображений: на амулетах женский персонаж держит перед собой в руках младенца, а на начельнике – чашу.

Но нам неизвестны образы Богоматери с крестом на груди. В VI – начале VIII в. образ предстает вообще без крестов или с крестом на челе. В IX–XII вв. кресты появляются кроме чела на плечах, запястьях, локтях и коленях, а с XIII в. они начинают сменяться на изображения звезд [24]. Второй период особой популярности крестов в образе Богоматери соответствует периоду находки. Его помещение на груди может являться кавказской интерпретацией образа или выражением индивидуального творчества местного мастера (вспоминаются и антропоморфные воинские статуи того периода – с крестами на шлеме, на груди, на шлеме и на плечах – с мест проживания алан Северного Кавказа [25] – А.Т.). Что касается воинственного и апотропеического аспектов вопроса, то эти функции могли выполнять как приведенные амулеты, так и начельник. В этой связи следует вспомнить, например, об образе Богоматери Никопеи, который сложился в искусстве Византии в эпоху Комнинов, видимо, являясь символом победы и будучи палладиумом императорского дома Византии и эмблемой триумфов ее войск над врагом. Ее образ представлен на печати эксусиократора Алании Гавриила [26, 138].

Заключение

Предложенное направление в исследовании генезиса образа осетинской Мады Майрам, сохранившей черты древней Великой богини в ее различных ипостасях, позволяет выделить два момента. Они различаются как по хронологии, так и по характеру взаимодействия с христианским источником. Первый, представленный в образцах амулетов, относится к периоду до официального принятия северокавказской Аланией христианства в 914 г. Он отмечен опытом адаптации христианского женского образа к собственным представлениям местного населения о Великой богине – покровительнице плодородия. Христианская иконография способствовала антропоморфному воплощению ее образа. На втором этапе, который определялся распространением христианства в условиях его государственного статуса, мог наблюдаться процесс воздействия со стороны христианства на уже сложившийся антропоморфный образ местной богини. Учитывая вероятный апотропеический, как и у амулетов, характер данного образа, включенного в местную воинскую культуру, тому мог способствовать, например, сложившийся в христианском мире образ Богоматери Никопеи. Вместе с тем отмеченные воздействия со стороны христианского источника на образ Великой богини местного населения

не привели ни к кардинальному его изменению, ни к его замене на сам образ Богоматери, что свойственно и образу осетинской Мады Майрам. Потенциал такого положения привел в некоторых случаях к сохранению образа богини в пантеоне даже в условиях патриархального склада традиционного осетинского общества.

1. *Газданова В.С.* Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 438 с.
2. *Дзиццойты Ю.А.* Вопросы осетинской филологии. Цхинвал: Республика, 2017. Т. I. 464 с.
3. *Абаев В.И.* Избранные труды. Владикавказ: Ир, 2000. Т. 1. 543 с.
4. *Абаев В.И.* Избранные труды. Владикавказ: Ир, 2000. Т. 4. 391 с.
5. *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.
6. *Кусаева З.К.* Нартовский эпос в парадигме фольклорно-этнографической и художественной традиции осетин. Дисс. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2025. 358 с.
7. *Савенко С.Н., Бурков С.Б.* Новые находки зеркал с крестообразными изображениями в Ингушетии // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Графа, 2010. Вып. 2. С. 38–42.
8. *Бакушев М.А., Леонтьева А.С.* Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. М.: ИА РАН, 2020. Т. I. 406 с.
9. *Бакушев М.А., Леонтьева А.С.* Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Иллюстрации. М.: ИА РАН, 2020а. Т. II. 432 с.
10. *Иерусалимская А.А.* Аланский мир на «Шёлковом пути» (Мощевая балка – историко-культурный комплекс VIII–IX веков) // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978. С. 151–162.
11. *Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1989. 348 с.
12. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменных источников). М.: Наука, 1983. 225 с.
13. *Иерусалимская А.А.* Бронзовая подвеска с «Богоматерью» из Верхне-Чирюртовского могильника (Дагестан) в свете контактов Хазарии с Византийским миром // Культура и искусство христиан-негреков. Научная конференция памяти А.В. Банк. Тезисы докладов. СПб, 2001. С. 18–21.
14. *Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.

15. Bronzes du Luristan: énigmes de l'Iran ancien (IIIe–Ier Millénaire av. J.-C.). Musée Cernuschi. Musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris 4 mars – 22 juin 2008. Paris: Paris-Musées, 2008. 235+III p. (на франц. яз.).
16. *Гмыря Л.Б.* Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1986. С. 90–108.
17. *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 228 с.
18. *Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. ALANICA III. Владикавказ: СОИГИ, 1995. С. 123–183.
19. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.
20. Салтово-маяцкий амулет Донская Мадонна. 12.10.2014: [сайт]. URL: https://donovedenie.ru/blog/saltovo_majackij_amulet_donskaja_madonna/2014-10-12-482.
21. Раритеты ПКМ. Коллекция «Археология». 29 марта 2020 года: [сайт]. URL: <https://pkm1903.ru/museum/news/287-raritetipkmkolleksiyaarheologiya>.
22. A caucasion nomadic gilt bronze finial. 2003: [сайт]. URL: <https://www.christies.com/lot/a-caucasian-nomadic-gilt-bronze-finial-circa-4108291/?intObjectID=4108291&lid=1>.
23. *Доде З.В.* Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории): Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2007. Т. I. 408 с.
24. *Гукова С.Н.* Знаки приснодевства Богоматери // Byzantinoslavica. Revue internationale des études byzantines. Prague, 2005. Vol. LXIII. P. 225–258.
25. *Малахов С.Н.* Кресты на антропоморфных изваяниях Северного Кавказа: датировка и символика // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Ставрополь: Печатный Двор, 2021. Вып. 14. С. 189–199.
26. *Туаллагов А.А.* Из истории аланской аристократии и государства // NARTAMONGÆ. 2019. Т. XIV. № 1-2. С. 135–220.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026,
принята к публикации 16.02.2026,
опубликована 30.03.2026.

Tuallagov, Alan A. – doctor of historical sciences, leading researcher, head of the department of archeology, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>; soigsi@mail.ru

TO THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF MADY MAYRAM.

Keywords: *divine images, Christianity, archaeological sources, Alans, Ossetians.*

The article is devoted to the study of the image of the Ossetian goddess Mady Mayram, who occupies a special position in the Ossetian pantheon as the only female image. The relevance of this problem in the context of this situation lies in the lack of analysis of material monuments from the medieval period. The scientific novelty of this work is determined by the corresponding inclusion of figurative monuments of Alanian archaeology. The purpose of this work is to document the semantics of the compositions of these figurative monuments and their anthropomorphic characters in correlation with folklore and ethnographic research and in the context of Alanian-Ossetian cultural and historical continuity. The study utilized methods of visual analysis of figurative monuments and the initial identification of the features that comprise the images. Based on the materials used and analyzed, this study suggests that the development of the goddess's image involved various stages of formation, chronologically and in terms of content, as traditional Alanian beliefs interacted with Christian sources. The first stage, represented in amulets, dates to the period before the official adoption of Christianity by North Caucasian Alania, and involves the adaptation of the Christian female image to the local population's conception of their Great Goddess in one of her incarnations. Christian iconography facilitated the anthropomorphic embodiment of her image. The second (Christian) stage may have involved Christian influence on the already established anthropomorphic image of the local goddess. However, this influence on her image did not lead to a radical change or to its replacement with the image of the Mother of God, which is also characteristic of the image of the Ossetian Mada Mayram. The potential of this situation led, in some cases, to the preservation of the goddess's image in the pantheon even within the patriarchal structure of traditional Ossetian society.

For citation: Tuallagov, A.A. To the history of the formation of the image of Mady Mayram. KAVKAZ-FORUM. 2026, iss. 25 (32), pp. 128-139. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.32.25.005

REFERENCES

1. Gazdanova, V.S. *Zolotoi dozhd'. Issledovaniya po traditsionnoi kul'ture osetin* [Golden Rain. Research on the Traditional Culture of the Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2007. 438 p.

2. Dzitstsoity, Yu.A. *Voprosy osetinskoi filologii* [Issues of Ossetian Philology]. Tskhinval, Respublika, 2017, vol. I. 464 p.
3. Abaev, V.I. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Vladikavkaz, Ir, 2000, vol. 1. 543 p.
4. Abaev, V.I. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Vladikavkaz, Ir, 2000, vol. 4. 391 p.
5. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional Spiritual Culture of the Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 599 p.
6. Kusaeva, Z.K. *Nartovskii epos v paradigme fol'klorno-etnograficheskoi i khudozhestvennoi traditsii osetin* [The Nart Epic in the Paradigm of the Ossetian Folklore-Ethnographic and Artistic Tradition]. Doctor dissertation (in Philology). Vladikavkaz, 2025. 358 p.
7. Savenko, S.N., Burkov, S.B. *Novye nakhodki zerkal s krestoobraznymi izobrazheniyami v Ingushetii* [New Finds of Mirrors with Cross-Shaped Images in Ingushetia]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus]. Stavropol', Grafa, 2010, iss. 2, pp. 38–42.
8. Bakushev, M.A., Leont'eva, A.S. *Zmeiskii katakombnyi mogil'nik. Materialy raskopok 2013–2014 gg.* [Zmeysky Catacomb Cemetery. Materials of the Excavation 2013–2014]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS, 2020, vol. I. 406 p.
9. Bakushev, M.A., Leont'eva, A.S. *Zmeiskii katakombnyi mogil'nik. Materialy raskopok 2013–2014 gg. Illyustratsii* [Zmeysky Catacomb Cemetery. Materials of the Excavation 2013–2014. Illustrations]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS, 2020, vol. II. 432 p.
10. Ierusalimskaya, A.A. *Alanskii mir na «Shelkovom puti» (Moshchevaya balka – istoriko-kul'turnyi kompleks VIII–IX vekov)* [The Alanian World on the «Silk Road» (Moshchevaya Balka – a Historical and Cultural Complex of the 8th–9th Centuries)]. *Kul'tura Vostoka. Drevnost' i rannee srednevekov'e* [Culture of the East. Antiquity and the Early Middle Ages]. Leningrad, Avrorra, 1978, pp. 151–162.
11. Mammaev, M.M. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Dagestana: Istoki i stanovlenie* [Decorative and Applied Arts of Dagestan: Origins and Formation]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 348 p.
12. Magomedov, M.G. *Obrazovanie Khazarskogo kaganata (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy i pis'mennykh istochnikov)* [Formation of the Khazar Khaganate (Based on Archaeological Research and Written Sources)]. Moscow, Nauka, 1983. 225 p.
13. Ierusalimskaya, A.A. *Bronzovaya podveska s «Bogomater'yu» iz Verkhne-Chiryurtovskogo mogil'nika (Dagestan) v svete kontaktov Khazarii*

s *Vizantiiskim mirom* [Bronze pendant with the «Mother of God» from the Verkhne-Chiryurtovsky Cemetery (Dagestan) in Light of Khazaria's Contacts with the Byzantine World]. *Kul'tura i iskusstvo khristian-negrekov. Nauchnaya konferentsiya pamyati A.V. Bank. Tezisy dokladov* [Culture and Art of Non-Greek Christians. Scientific Conference in Memory of A.V. Bank. Abstracts of Papers]. St. Petersburg, 2001, pp. 18–21.

14. Golan, A. *Mifi i simvol* [Myth and Symbol]. Moscow, Russlit, 1993. 375 p.

15. Bronzes du Luristan: énigmes de l'Iran ancien (IIIe–Ier Millénaire av. J.-C.). Musée Cernuschi. Musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris 4 mars – 22 juin 2008. Paris, Paris-Musées, 2008. 235+III p. (In French).

16. Gmyrya, L.B. *Yazycheskie kul'ty u gunnov Severo-Vostochnogo Kavkaza* [Pagan Cults of the Huns of the Northeastern Caucasus]. *Obryady i kul'ty drevnego i srednevekovogo naseleniya Dagestana* [Rites and Cults of the Ancient and Medieval Population of Dagestan]. Makhachkala, Dagestanskii filial AN SSSR, 1986, pp. 90–108.

17. Gmyrya, L.B. *Strana gunnov u Kaspiiskikh vorot. Prikaspiiskii Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [The Land of the Huns at the Caspian Gates. Caspian Dagestan in the Era of the Great Migration of Peoples]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 228 p.

18. Kovalevskaya, V.B. *Khronologiya drevnostei severokavkazskikh alan* [Chronology of the Antiquities of the North Caucasian Alans]. *Alany: istoriya i kul'tura. ALANICA III* [Alans: History and Culture. ALANICA III]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian Studies, 1995, pp. 123–183.

19. Kovalevskaya, V.B. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n. e. – I tys. n. e.* [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans of the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Pushchino, Pushchino Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2005. 398 p.

20. *Saltovo-mayatskii amulet Donskaya Madonna. 12.10.2014* [Saltovo-Mayak Amulet Don's Madonna] [Web-sait]. URL: https://donovedenie.ru/blog/saltovo_majackij_amulet_donskaja_madonna/2014-10-12-482.

21. *Rarity PKM. Kolleksiya «Archeologiya». 29 marta 2020 goda* [Rarities of PCM. The Archeology Collection. March 29, 2020] [Web-sait]. URL: <https://pkm1903.ru/museum/news/287-raritetipkmkolleksiyaarheologiya>.

22. A caucasion nomadic gilt bronze finial. 2003 [Web-sait]. URL: <https://www.christies.com/lot/a-caucasian-nomadic-gilt-bronze-finial-circa-4108291/?intObjectID=4108291&lid=1>.

23. Dode, Z.V. *Kostyum naseleniya Severnogo Kavkaza VII–XVII vekov (Rekonstruktsiya etnosotsial'noi istorii)* [Costume of the Population of the North Caucasus in the 7th–17th Centuries (Reconstruction of Ethnosocial History)]. Doctor dissertation (in Archaeology). Moscow, 2007, vol. I. 408 p.

24. Gukova, S.N. *Znaki prisnodevstva Bogomateri* [Signs of the Ever-Virginity of the Mother of God]. *Byzantinoslavica. Revue internationale des études byzantines*. Prague, 2005, vol. LXIII, pp. 225–258.

25. Malakhov, S.N. *Kresty na antropomorfnykh izvayaniyakh Severnogo Kavkaza: datirovka i simbolika* [Crosses on Anthropomorphic Sculptures of the North Caucasus: Dating and Symbolism]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the Cultural History of the Peoples of the North Caucasus]. Stavropol', Pechatnyi Dvor, 2021, iss. 14, pp. 189–199.

26. Tuallagov, A.A. *Iz istorii alanskoj aristokratii i gosudarstva* [From the history of the Alanian aristocracy and state]. *NARTAMONGÆ* [NARTAMONGÆ]. 2019, vol. XIV, no. 1-2, pp. 135–220.

Puc. 1 [10, 161, *puc. 15*]

Puc. 2 [20]

Puc. 3 [21]

Puc. 4 [22]

The article was submitted 17.01.2026,
accepted for publication on 16.02.2026,
published 30.03.2026.